

УДК 821.161.1-31+929Леонов

## **ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОМАНЕ Л. М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА» (ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ)**

**Ю. Л. Василевская**

Тверской государственный университет  
*кафедра филологических основ издательского дела и документоведения*

В статье рассматривается малоисследованный до сих пор вопрос о роли агиографической традиции в романе Л. М. Леонова «Пирамида». Судьба одного из главных героев – Матвея Лоскутова – в общих чертах соответствует житийному канону. Однако, вводя элементы жития в текст романа, автор переосмысливает их, изображая в ироническом ключе. Житийная традиция в «Пирамиде» становится частью карнавальной профанации, которая проявляется во многих эпизодах, связанных с библейскими сюжетами.

**Ключевые слова:** Л. М. Леонов, «Пирамида», житие, традиция, карнавал

Богатейшая литература Древней Руси нашла своё отражение во многих художественных произведениях XX века. Обращение к ней говорило о желании писателей соединить воедино современность и давно прошедшие времена, подчеркнуть существование вечных тем и заново осмыслить их.

Когда говорят о традициях древнерусской литературы в последнем романе Л. М. Леонова «Пирамида», то обычно пишут о влиянии на него литературы «отреченной», апокрифической и в первую очередь, разумеется, об апокрифе Еноха. Здесь можно выделить работы таких исследователей-леоноведов, как А. И. Павловский [9, 10], А. А. Дырдин [4, 5], О. А. Овчаренко [8], А. М. Любомудров [7], А. Н. Варламов [2], Ю. В. Бельская [1] и др.

О. В. Станкевич полагает, что художественная вселенная романа «Пирамида» не может быть полностью отождествлена с христианским мироустройством, т.к. между ними имеется больше различий, чем сходства: «...о христианской космогонии как о доминирующем источнике леоновской модели говорить не приходится; скорее, в основу положен тезис идеалистической философии о наличии двух миров – бессмертного мира идей (в романе это ангельская иерархия во главе с Богом) и мира материи (соответственно мир людей и подразумеваемые обитаемые или необитаемые миры). Христианская же символика служит лишь обрамлением, придающим этой системе необходимый исторический, культурный и традиционный колорит. В романе есть два мира, две силы, конфликтующие между собой, – силы света и тьмы. Надо заметить, что по характеру своему конфликт этих сил в «Пирамиде» отличается от конфликта, догматизированного в ортодоксальном христианстве. Автор романа тяготеет к дуалистическим концепциям <...>. Однако, несмотря на почти абсолютную самостоя-

тельность, силы тьмы в романе не составляют равноправную с Богом основу бытия и, вполне в соответствии с Енохом, не конкурировали с Богом до тех пор, пока не произошёл раскол» [12, с. 159].

А. И. Павловский писал о «почти постоянном присутствии этого апокрифического пророка в романе – и в его стилистике, в саркастичности иных фраз, в пророческом пафосе, и в личностных чертах героев, а зачастую даже и в авторском “я”» [10, с. 367]. По его мнению, Л. М. Леонова «всегда влекла эта сторона человеческой жизни – ересь, сектантство, грехопадение, когда мысль или чувство преступают меру» [10, с. 367]. Исследователь полагает, что «роднит этих двух “писцов” и мотив богооставленности. В книге Еноха этот трагический мотив переплетается с другим, ещё более тягостным и кошмарным, – мотивом кощунственного отречения человека и даже человечества от Бога. Первопричина богооставленности – по Еноху и по Леонову – сам человек. Именно поэтому Книга Еноха трагедийна; по той же причине трагедийна и “Пирамида”» [10, с. 367].

Однако в «Пирамиде» мы имеем дело не с «механическим» переложением книги Еноха, а с её творческой переработкой, модификацией. Исследователь С. Л. Слободнюк, проводя параллели со славянской книгой Еноха, находит как сходства, так и различия между этими двумя текстами: «В то же время при сопоставлении Енохова апокрифа, трактующего о размолвке Начал, с томами “Пирамиды” внимательный исследователь без труда обнаруживает важное расхождение, которое ложится в фундамент построений об онтологическом характере зла в мироздании романа. Так, мысль о генетическом родстве человека с высшими силами несомненно перекликается с апокрифом. <...> Но стоит нам коснуться не менее важных вопросов, связанных с *причиной* существования зла и *ответственностью* за его существование, и стройные ряды сопоставлений превращаются в немислимые зигзаги» (Здесь и далее курсив автора. – Ю. В.) [11, с. 116]. Исследователь замечает, что при этом сам факт отступления от текста апокрифа автором тщательно скрывается. Как полагает С. Л. Слободнюк, «намеренно сводя “размолвку Начал” к спору о человеке, автор получает возможность выстроить *собственную* теорию, одним из организующих центров которой оказывается идея *сущего* зла. Мысли Еноха в данном случае становятся для Леонова набором неких составляющих, из которых он выкладывает свою картину далёких событий» [11, с. 118].

Таким образом, всеми исследователями признаётся, что влияние апокрифической литературы на роман «Пирамида» очень сильно. Однако существует и другая традиция, получившая здесь не менее заметное выражение. Речь идёт о традиции агиографической литературы. В рамках статьи невозможно осветить данную тему в полном объёме, поэтому мы остановимся только на некоторых её аспектах.

Немногих, порой отрывочных сведений, разбросанных в тексте романа, достаточно, чтобы проследить внешнее совпадение основных этапов жизни одного из главных героев – Матвея Лоскутова – с житийным канонem.

Его обращение к духовным сторонам жизни происходит в детстве: «Ещё в школе местный учитель, чахоточный мечтатель, отбывавший там царскую ссылку, заронил в кроткого паренька искру подвига во имя некоей общечеловеческой цели...» [6, т. 1, с. 51]. «Открытие Бога» для о. Матвея произошло во время Ильинской грозы, названной «литургией стихий»: «Молнии с огненным треском раздирали небо над головой, а ливневая радуга, ручьём стекавшая под холстинковой рубахой, придавала душе и телу жуткий трепет посвящения в тайность, а всё вместе становилось восторженным чудом, облакавшим парнишку с головы до пят» [6, т. 1, с. 51–52]. Большое влияние на будущего священника оказали истории из старопечатного патерика. Его манили «необычайные приключения святых героев, в особенности их поединки с нечистой силой» и «прелесть уединённого жития в таёжной землянке, куда слетаются окрестные птицы навестить праведника» [6, т. 1, с. 51–52]. В семинарские годы его занимает идея миссионерства. Матвей мечтал, как Иннокентий Камчатский, нести слово Божье северным народам.

Вера о. Матвея часто характеризуется словом «детская» и заключается в готовности «пролежать песчинкой на безвестной вселенской тропке в ожидании – когда однажды, при обходе звёздных владений Господь коснётся его своей пречистой стопой» [6, т. 1, с. 53].

Герой неоднократно искушается, и главным таким искушением становится мысль: «Слышат ли там, в небесах, что творится на святой Руси?» [6, т. 1, с. 57]. Часто он приходил в полуразрушенный храм и молился там, повторяя сто тридцать восьмой псалом. В такие моменты ему слышалась над головой «отдалённая речь вперемешку с плеском крыльев и глухим скрежетом скрестившихся мечей, и замирало сердце, принявшее мираж за докатившийся сюда отголосок битвы Добра и Зла» [6, т. 1, с. 57]. О. Матвей хотел увидеть явные признаки того, что небеса слышат молитвы людей. Он жаждал чуда, но его всё не было.

Другим испытанием становится визит фининспектора Гаврилова, потребовавшего со всей лоскутовской семьи непосильный для них налог. Единственным способом выжить становится инсценировка побега главного кормильца семьи – о. Матвея. Он должен тайно покинуть дом без всякой надежды на возвращение или тайное свидание. Если же беглеца поймут, «жизнь покончится и начнётся образцовое житие, где он до гроба, без сроков давности станет таскать при себе громышающую килу легенды» [6, т. 1, с. 335].

Своё будущее путешествие о. Матвей сразу связывает с дорогами ему ещё с детства образами русских странников, которых он представляет себе в характерном для него романтизированном духе: «...лёгкой машистой походкой идут они сквозь житейскую толчею, степенные и опрятные, от всего отрешённые старики, пропахшие берестой и полынькой» [6, т. 1, с. 342]. Их не гнетут заботы и болезни. На их лаптях лежит «не наша пыль». Они глядят на окружающий мир глазами детей. В любом доме им предоставят

кров. С годами о. Матвея стало привлекать странничество «как избавление от непосильных под старость житейских обязательств» [6, т. 1, с. 343].

Однако на самом деле удел скитальца оказался не таким радостным. Священник всё-таки был пойман. В эпизоде с допросом о. Матвея горбуном Алёшей явно просматривается аналогия с допросом Христа Понтием Пилатом. При этом о. Матвей также не ответил на вопрос своего «судьи» «что есть истина?»: «Верно, и двадцать лет назад наступила такая же пауза, в течение которой правитель вглядывался в окроплённое кровью чело узника» [6, т. 1, с. 393–394]. Этот евангелический сюжет был для о. Матвея самым любимым. Он часто пытался в воображении дописать диалог между Христом и Пилатом.

Когда Алёша приводит о. Матвея к себе домой, священник выступает уже в роли ожидаемого небесного посланника: упомянут и выделен разрядкой «мамврийский осокорь», растущий возле дома.

Третьим испытанием является встреча с «бедствующим иереем» Афинагором. Она оставляет у о. Матвея ощущение нереальности происходящего. Афинагор сильно смутил его, рассказав жестокую «байку» о том, что стало с людьми, получившими от Бога правду. В этой истории священник сразу же узнал своё собственное «сказаньице», которое он не рассказывал никому, даже жене. Афинагор, несомненно, имеет инфернальные черты. Особенно это подчёркивается его необычным сходством с о. Матвеем. Священник видит в своём собеседнике злую пародию на себя, своего тёмного двойника.

Искушением для о. Матвея становится визит к нему Шатаницкого (т.е. дьявола). Гость предлагает священнику вернуть из лагерей старшего сына Вадима, и о. Матвей с радостью принимает его «подарок». Но возвращается не настоящий Вадим, а Вадим-мертвец. Настоящий Вадим, как выясняется позже, погиб задолго до своей «побывки».

Наконец, как испытание можно рассматривать и сны о. Матвея. Особенно показателен сон о вулкане, который вдруг начал извергаться в центре Москвы. Культурные памятники от уничтожения смог спасти только о. Матвей. Во сне чудо совершается, однако весь этот эпизод решён в явно ироническом ключе.

Несовершившимся чудом становится эпизод с «обращением» в «истинную веру» комиссара Скуднова. Ожидавший чуда божественного вмешательства, не позволяющего большевикам уничтожить храм, о. Матвей делает прообразом к нему давно «пленивший» его евангельский эпизод: «Душная беззвёздная сирийская ночь, бешеная скачка по пути в Дамаск, и впереди отряда в струящемся от ветра плаще римский центурион, некто Савл, пылающий вдохновением к убийству неверных, торопится завершить задание по истреблению собравшихся там презренных назареев, пока на всём скаку не вразумил его кроткий, из облака, вопрос гонимого Иисуса» [6, т. 1, с. 288]. Однако обращение комиссара Скуднова в «небесные апостолы» не состоялось: «Эка, Тимофей, как у нас с тобой обернулося: я тебя

ладил в апостолы небесные, а ты в земные угодил!» [6, т. 2, с. 516]. Храм всё-таки был снесён.

Наконец, отъезд всего семейства Лоскутовых на Алтай в конце романа, путешествие на который «сливалось с концом жизни на краю света» [6, т. 1, с. 473], изображается как путь в землю обетованную.

Таким образом, можно видеть, что основные черты житийной литературы находят своё отражение в жизни Матвея Лоскутова: раннее приобщение к религии и Богу, различные испытания, которым он подвергается (недаром в романе неоднократно возникает параллель с судьбой Иова) и «земля обетованная» (Алтай) как награда. Однако в описании его судьбы есть многое, что выходит за рамки житийного канона. В частности, желанное чудо о. Матвей смог совершить только во сне. Он поддаётся на уловки Шатаницкого и соглашается принять от него услугу (возвращение Вадима). Когда его допрашивает Алёша и разговор постепенно переходит к обсуждению основ христианской веры, священник так и не смог дать внятный ответ ни на один вопрос. Образ праведника и странника у о. Матвея складывается скорее романтический, чем традиционно житийный: праведник, по его мнению, это в первую очередь свободный человек. Даже мысли, которые волнуют о. Матвея (о судьбе христианства и его роли в историческом процессе, о настоящей сути распятия Христа), становятся для него источником непобеждённых искушений.

С детства Матвей Лоскутов верил именно «детской верой», что становится для него впоследствии частью духовного завещания старшему сыну: «С Богом не мудри, памятуя, что сказка должна быть страшная, сабля вострая, дружба прочная, вера детская» [6, т. 2, с. 500]. Но страшное настоящее заставляет священника полагать, что детская вера вместе с религией постепенно уходит в прошлое: «Не приспел ли срок и обветшалому христианству уходить на покой в обитель детских снов, совместно с разумом, под руки с обеих сторон, возводивших к славе род людской по ступеням безотчётного ужаса, созерцательного благоговения и послезавтрашной логической достоверности?» [6, т.1, с. 396]. С детской верой оказывается связана и склонность детей задавать вопросы, которые задавать не следует. Отсюда все сомнения и размышления о. Матвея о том, о чём ему, как священнику, задумывать (и тем более сомневаться) не следовало.

Слово «житие» применяется в отношении судьбы Вадима – сына о. Матвея. Даже оказавшись в лагерях, он не был поколеблен в своих материалистических убеждениях. Но что-то меняется в нём, когда при обыске у него находят тайком зашитый матерью в пальто маленький финифтевый образок. Его прочность, полученная обжигом до стеклообразного состояния, очень сильно напоминала ожидавшую Вадима судьбу, «точней всего определяемую церковным термином ж и т и я» [6, т. 2, с. 276]. Недаром Вадим Лоскутов именуется в романе Гаутаме: «С годами суровая пристальность к окружающему лишь усиливалась, почти всё печалило чистого и впечатлительного юношу подобно принцу Гаутаме, только знаменитую

триаду последнего – недуг, старость и смерть, несколько расшатанную врачебными достижениями, сменила более современная – нужда, невежество, – насчёт третьей кандидатуры были колебания пока» [6, т. 2, с. 27]. Так же, как и принц Гаутаме, он чист душой и впечатлителен. Только, в отличие от ангела Дымкова, Вадиму не суждено стать «Буддой», т.е. просветлённым. Оказавшись частью «западни» на ангела, Вадим даже после смерти продолжает служить Шатаницкому (эпизод с возвращением «блудного сына»). Он остаётся несвободен ни физически, ни духовно.

В романе «Пирамида» элементы жития, как и апокриф Еноха, становятся частью карнавальской профанации [3]. Так же, как возвращение Вадима становится пародией на возвращение блудного сына и на воскрешение Лазаря, «обращение» в христианскую веру Скуднова – на обращение Савла, жизнь о. Матвея лишь по внешним признакам повторяет житийный канон. Карнавальному снижению в «Пирамиде» подвергаются многие священные сюжеты и образы, чтобы привести их к обновлению через символическую гибель.

### **Список литературы**

1. Бельская, Ю. В. Проблема мифологизма в романе Л. М. Леонова «Пирамида» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ю. В. Бельская ; Астрах. гос. ун-т, Каф. лит. – Волгоград : [б.и.], 1999. – 18 с.
2. Варламов, А. Наваждение Л. Леонова [Текст] / А. Варламов // Москва. – 1997. – № 4. – С. 140–149.
3. Василевская, Ю. Л. «Пирамида» Л. М. Леонова как философский роман: структура художественного мира [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ю. Л. Василевская ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2009. – 202 с.
4. Дырдин, А. А. Веросознание и мифология в романе «Пирамида» (Версия мифа о «падших ангелах») [Текст] / А. А. Дырдин // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. – СПб. : Наука, 2004. – С. 43–67.
5. Дырдин, А. А. В мире мысли и мифа: Роман Леонида Леонова «Пирамида» и христианский символизм [Текст] / А. А. Дырдин. – Ульяновск : УЛГТУ, 2001. – 116 с.
6. Леонов, Л. М. Пирамида [Текст] : в 2 т. / Л. М. Леонов – М. : Голос, 1994. Т. 1. – 736 с. – Т. 2. – 686 с.
7. Любомудров, А. М. Суд над Творцом (Роман «Пирамида» в свете христианства) [Текст] / А. М. Любомудров // Роман Л. Леонова «Пирамида»: Проблема мирооправдания. – СПб. : Наука, 2004. – С. 68–96.
8. Овчаренко, О. А. Роман Леонида Леонова «Пирамида» и мировая литература [Текст] / О. А. Овчаренко // Наш современник. – 1994. – № 7. – С. 185–192.
9. Павловский, А. И. Два эссе о романе Л. Леонова «Пирамида» [Текст] / А. И. Павловский // Русская литература. – 1998. – № 3. – С. 261–270.
10. Павловский, А. И. Роман Л. Леонова «Пирамида» и Книга Еноха [Текст] / А. И. Павловский // Роман Л. Леонова «Пирамида»: Проблема мирооправдания. – СПб. : Наука, 2004. – С. 367–368.

11. Слободнюк, С. Л. Мирооправдание и мироотрицание Л. Леонова [Текст] / С. Л. Слободнюк // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. – СПб. : Наука, 2004. – С. 97–121.
12. Станкевич, О. В. Художественная вселенная романа «Пирамида» [Текст] / О. В. Станкевич // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. – СПб. : Наука, 2004. – С. 158–176.

## **THE TRADITIONS OF ANCIENT LITERATURE IN THE LEONID LEONOV'S NOVEL "PYRAMID" (HAGIOGRAPHIC TRADITION)**

**Ju. L. Vasylevskaya**

Tver State University

*Department of philological foundations of the publishing and documentation*

The author considers the still scantily explored the role of the hagiographic tradition in the Leonid Leonov's novel «Pyramid». The fate of one of the main characters – Matthew Loskutov – roughly corresponds to the hagiographic canon. However, by introducing elements of the lives of the novel, the author interprets them, portraying in an ironic way. Hagiographic tradition in the «Pyramid» is part of the carnival profanity, which appears in many episodes of the biblical stories.

**Keywords:** *Leonid Leonov, «Pyramid», existence, tradition, carnival*

*Об авторах:*

ВАСИЛЕВСКАЯ Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и документоведения Тверского государственного университета, e-mail: yuliya-vasilevskaya@yandex.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.